

крыта.

В первой половине 1946 года в Крыму службу проводили 57 священников и 4 дьякона, в том числе в городских храмах – 29 человек, в сельских храмах – 32 человека [9].

15 ноября 1946 года заместитель председателя Совета министров РСФСР Чесноков направил на имя председателя Крымского облисполкома Д.А. Кривошеина письмо, на основании которого было составлено письмо Крымского облисполкома за подписью Кривошеина для гор и райисполкомов следующего содержания: «По сообщению Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, отдельные представители местных советских органов допускают неправильные действия в отношении служителей культа и приходских общин и нарушают советские законы о церкви.

Имеют место случаи, когда отдельные руководители советских органов обращаются к духовенству и приходским общинам за средствами для разных общественных целей, оказывают противодействие беспрепятственному исполнению религиозной службы и обрядов, иногда в грубой, оскорбляющей чувство верующих форме, вмешиваются во внутрицерковные дела, забывая, что церковь в нашей стране является частной организацией. Крымский облисполком обязывает Вас принять меры к недопущению нарушений советских законов» [10]. Это письмо можно назвать последним серьезным документом, принятым в Крыму в защиту церкви от произвола чиновников, так как подобных случаев в Крыму было достаточно. О них Уполномоченный Я.И. Жданов неоднократно указывал руководителям Крыма и сообщал о них в Совет по делам РПЦ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в первый послевоенный год государство не только продолжало политику компромисса в отношении православной церкви, но и поддерживало ее материально.

Источники

1. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). – Ф.2647. – Оп.1. – Д.1. – Л.3–4.
2. Там же. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 37.
3. Там же. – Ф. Р. 2647. – Оп.1. – Д.4. – Л. 5.
4. Там же. – Оп. 1. Д.4. – Л. 17.
5. Там же.
6. Там же. – Л.16.
7. Там же. – Ф.Р. 2647. – Оп.1. – Д.4. – Л. 18–19.
8. Там же. – Д.4. – Л. 69.
9. Там же. – Д. 4. – Л. 2.
10. Там же. – Д. 4. – Л. 76.

Комар М.Н.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Изобретение в XX веке устройств для автоматизированной обработки, хранения, передачи и выдачи информации, как, наверное, никакое другое изобретение в истории человечества, имело огромные последствия для современного общества. С одной стороны, с информатизацией связывались надежды на решение многих, если не всех, глобальных проблем, а с другой – в ней видели источник проблем еще больших. Несомненно, однако, то, что облик человечества под влиянием компьютеров существенно изменился (а в какую сторону – вопрос дискуссионный).

Изобретение быстродействующих устройств, решающих сложные задачи вычислительного характера (именно этим ограничивались функции первых поколений ЭВМ) поставило человека перед тем фактом, что практически любой класс задач, подвластных человеку, допускает автоматное решение. Именно это заставило человека по-новому осмыслить множество философских проблем, главная из которых – место человека в мире. В свое время понимание того, что человеческий организм с физической точки зрения представляет собой термодинамическую систему и, следовательно, подчиняется второму закону термодинамики, заставило человека по-новому осознать себя. В наше время происходит подобное переосознание человеком себя как кибернетической системы.

Одна из традиционных проблем, связанных с появлением всякой новой техники, связана с частичным вытеснением человека из некоторых отраслей деятельности. Но если раньше каждая новая машина имела лишь свою узкую область применения (большая часть машин просто заменяла тяжелый физический труд), то кибернетика сразу заявила, что нет такой области деятельности, которая не могла бы быть поручена кибернетическим устройствам. Первые же применения ЭВМ стали посягательством на традиционно человеческую область интеллектуального труда. Поэтому за эйфорией по поводу ожидаемого взлета экономической эффективности последовали мрачные прогнозы о возможном полном вытеснении человека машиной. Человечество столкнулось с новой силой, им же самим вызванной к жизни, которая в будущем в принципе может во всем сравняться с человеком и даже превзойти его.

Важнейшим аспектом проблемы человеко-машинного взаимодействия стала проблема искусственного интеллекта (ИИ) [1]. Специалисты в области кибернетики сразу же указали на принципиальную возможность сколь угодно полного и точного моделирования сознания, как индивидуального, так и общественно-

го, при помощи технических средств. В самом деле, мозг человека состоит из конечного (пусть и большого) числа нейронов. Разнообразие информационных функций, выполняемых одним нейроном, очевидно, конечно. Следовательно, конечная совокупность технических средств способна моделировать все информационные процессы, происходящие в отдельном мозгу. В середине 90-х годов уже решена проблема моделирования нейронных систем, находящихся на уровне нервной системы головноного моллюска (порядка 100 тыс. нейронов). Такие системы уже способны к самообучению, к образованию условных рефлексов и даже к простейшим «умозаключениям», основанным на выявлении аналогий.

Еще более захватывающие перспективы открываются, если отказаться от простого копирования человеческого сознания, а создать сознание, не похожее на наше. Живущие в виртуальном мире виртуальные существа с иной практикой, в корне отличной организацией «общества», с «нечеловеческой» логикой, философией и искусством – все это еще чрезвычайно далеко от практического воплощения, но темпы развития техники (и все возрастающая опасность глобальных техногенных катастроф) заставляет заранее задуматься о проблемах взаимодействия человечества с созданной им самой новой цивилизацией. Здесь на первый план выходят не технические, а морально-этические проблемы.

По мнению многих выдающихся специалистов, в частности, академика В. М. Глушкова [1, 2] драматических форм соперничества естественного и искусственного интеллекта можно избежать, если при разработке средств ИИ строго придерживаться принципа подчиненности машины человеку. С чисто технической точки зрения, машинный интеллект вполне может войти в конфликт со своими создателями, но только если в него заложена такая способность. Вместо этого нужно создавать инструмент, не заменяющий человека, а дополняющий его, выполняющий лишь второстепенные функции по поручению человека и освобождающий его тем самым от рутинной работы для творческого труда. Таким образом, искусственный интеллект по В. М. Глушкову – это соединение активного, целезадающего ума человека с пассивной, исполняющей машиной. Без человеческого компонента система неполна и не может (не должна) самостоятельно функционировать.

В этой связи уместно отметить, что человеческий интеллект, если подходить к нему не как к материальному субстрату, а как к способности отражать внешний мир и воздействовать на него, выступает в значительной мере не природным, а социальным образованием, так как формируется в результате человеческой деятельности и в этом отношении также может быть назван искусственным. С другой стороны, интеллектуальные машины будут ни чем иным, как продолжением человека. По крайней мере, начальную структуру и начальный запас знаний, а также первоначальный курс обучения они получают от человека. Поэтому их интеллект будет в какой-то степени естественным.

Наиболее впечатляющие последствия имело объединение вычислительных средств со средствами связи. Появление компьютерных сетей немедленно привело к качественному скачку в силе влияния «компьютерного фактора» сначала на производство, а потом и на всю общественную жизнь. Чтобы понять причину этого скачка, нужно вспомнить характеристические свойства сложных систем. Пока компьютеры существовали обособленно, они не образовывали системы, а влияние каждого из них было локальным, то есть распространялось в небольшой «окрестности» самого компьютера. Объединение нескольких компьютеров в систему, даже небольшую, например, в масштабах предприятия, обязательно приводит к появлению у системы в целом принципиально новых интегральных свойств. А глобальное объединение компьютеров (Интернет) приводит к глобализации влияния компьютеров. Нынешнее общество (по крайней мере, общество развитых стран) вполне можно охарактеризовать как *информационное*.

Объединение человеческого разума с мощью глобальной информационной системы приводит к возникновению *гиперинтеллекта*. Отличие его от искусственного интеллекта состоит в том, что ИИ – это только соединение разума *одного* человека с вычислительными возможностями *одного* компьютера. Гиперинтеллект – это глобальная человеко-машинная система, по существу, единый планетарный разум.

Роль процессов обмена информацией в развитии общества подчеркивает (и гиперболизирует) канадский социолог Л. Маклюэн (излагается по [4]). Основной двигатель цивилизации он видит в развитии средств информационной связи. Маклюэн выделяет 4 этапа в развитии этих средств (и, соответственно, в развитии общества): 1) период от возникновения членораздельной речи до изобретения письменности; 2) эра письменности; 3) эра книгопечатания; 4) эра электронных средств коммуникации. По Маклюэну, изобретение письменности послужило толчком к бурному развитию Римской империи, а изобретение книгопечатания привело к распространению технических знаний и, следовательно, к возникновению промышленности и зарождению капиталистических отношений. Развитие электронных средств должно повести к повторению на новом уровне (в соответствии с законом отрицания отрицания) некоторых черт родоплеменного периода. Глобальные системы передачи информации должны сделать человечество единым.

Оригинальную точку зрения на информатизацию и интернетизацию общества и на гиперинтеллект высказал М. Сухарев [3]. По его мнению, одним из неотъемлемых свойств известной нам части Вселенной является неуклонное усложнение природных объектов и систем. Так, последовательно возникали звезды, планеты, сложные молекулы, жизнь, разум. Эволюция Вселенной подчиняется закону, который можно сформулировать так: сложность самых сложных из имеющихся во Вселенной систем со временем повышается.

В развитии общества видна еще одна закономерность: ускорение роста сложности со временем. Если экстраполировать эту тенденцию в будущее, то получится, что скорость развития общества должна увеличиться настолько, что общественно-экономические формации начнут сменяться каждые пятьдесят, десять и меньше лет, а человечество в течение XXI века объединится в сверхгосударство. Казалось бы, этот прогресс должен неизбежно замедлиться, так как качественно новые состояния общества не могут появляться

каждый день, час, минуту.

Но, отмечает далее Сухарев, появился фактор, заставляющий думать, что тенденция к ускорению усложнения общества сохранится, по крайней мере, в обозримое время. Это Интернет, или Сеть. *Сеть*, по мнению М. Сухарева, является определенным этапом в эволюции Вселенной и продолжает отмеченную тенденцию к самоусложнению материи.

Далее М. Сухарев прослеживает развитие материальных носителей социальной информации (мозг, устная речь, книги, электронные носители). «...В уже давно протекающем процессе все большая часть мыслящего Духа Земли постепенно перемещается в искусственно созданные обиталища. Момент, когда уже меньшая часть этого Духа останется в головах людей, приближается с угрожающей скоростью... Процент искусственной сложности в совокупном носителе мирового Разума неизбежно превысит человеческую часть и будет продолжать расти со все возрастающей скоростью.»

Еще один источник скачка сложности в Интернете заключается в следующем. На ранних этапах компьютеризации, когда компьютеры не были связаны между собой, была необходимость в многократном дублировании информации. На каждом локальном компьютере имела своя копия обрабатываемых данных. Интернет устраняет необходимость в дублировании ресурсов. Каждый компьютер в Сети играет все более уникальную роль и потому все более ценен для мыслящего Духа. Разделение ума (как продолжение разделения труда) обеспечит, таким образом, еще больший рост совокупной сложности глобального человеко-машинного конгломерата.

Далее Сухарев указывает на то, что феномен Интернета как нельзя лучше согласуется с теорией П. Тейяра де Шардена и является очередной ступенью на пути к точке Омега. Интернет предоставляет (или предоставит в ближайшем будущем) технические средства для «суперагрегации душ».

М. Сухарев также описал те последствия, которые объединение человечества будет иметь в сфере экономики, науки и культуры. Общий вывод его состоит в том, что возникновение Интернета – закономерный этап в развитии Вселенной и шаг к слиянию человечества и образованию единого сверхразума.

Еще одна проблема, порождаемая Интернетом, представляет собой продолжение вечной дилеммы «цивилизация или культура». Еще Жан Жак Руссо утверждал, что развитие наук, искусств, технический прогресс, по существу, не приносят пользы человеку. Все блага цивилизации заключают в себе отрицательную сторону и часто оборачиваются против человека. Руссо рассматривал блага материальные и духовные вместе, по мнению Руссо, они равно враждебны человеку. По-другому данную проблему поставил Н. А. Бердяев в работе «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (раздел «Воля к жизни и воля к культуре»). Цивилизация (все рациональное, денежное, техническое) – это смерть культуры (т.е. всего духовного).

Интернет, величайшее достижение технической цивилизации, вполне мог бы стать не имеющим аналогов в истории средством распространения и утверждения высокой культуры. В Интернете и сейчас существуют виртуальные картинные галереи, библиотеки и фонотеки симфонической музыки. Но достаточно раз взглянуть на рейтинговые данные, чтобы обнаружить, что пользователи предпочитают сайты с порнографией. Тезис Бердяева приходит на ум сам собой. (Кстати, на фотографию, грамзапись и особенно кинематограф и телевидение также поначалу возлагались несбыточные надежды, как на средства для «просветления душ человеческих»).

Интернет – универсальное средство, и способ его применения полностью зависит от того, кто его применяет. В настоящее время в Интернете действует принцип неограниченной свободы. Каждый может наполнять свой сайт любым содержанием. Каждый хочет, чтобы его сайт посещали чаще. Поэтому содержание Интернета «плетется в хвосте» у вкусов массы пользователей. В Интернете нет целостной политики формирования вкусов. По моему мнению, это в немалой степени связано с причинами коммерческого характера. Пропаганда высокой культуры сама по себе коммерческой выгоды не приносит, а наоборот, требует вложений. Владелец же «массового» сайта получает немалую выгоду от размещения рекламы.

Суть отмеченной проблемы можно иначе определить как слияние Интернета и масс-культуры. Примером может быть новый феномен – культура *киберпанка*, объединившая при помощи всемирной сети отбросы общества всего мира.

В этой связи уместно сказать несколько слов о самом явлении массовизации. Массовая культура предлагает молодым людям определенные шаблоны, стандарты поведения. Парадоксально, но молодежные движения, возникавшие как протест против однообразия и косности общественной жизни, сами превращаются в еще более однообразные субкультуры с жесткими правилами поведения. В соответствии с принятым нами определением информации, массовизация, уничтожая разнообразие индивидуальностей, снижает информационное содержание общества и, согласно информационному критерию развития систем, представляет собой регрессивное явление. Возникает такое впечатление, будто общество вырабатывает масс-культуру как средство «защиты» от возможного прорыва в новое качество.

Вообще, все названные проблемы – это не проблемы информатизации, а прежде всего проблемы самого общества. Появление компьютеров и сетей только способствовало более отчетливому проявлению и обострению старых противоречий. Техника сама по себе не враждебна и не дружелюбна создавшему ее обществу. Техника – это орудие, и последствия ее использования целиком зависят от намерений того, кто ею владеет. Поэтому разрешение всех информационных противоречий должно начинаться с разрешения социально-экономических противоречий.

Источники и литература

1. Глушков В.М. Гносеологическая природа информационного моделирования // Вопросы философии. – 1963. – № 10.
2. Глушков В.М. Мышление и кибернетика // Вопросы философии. – 1963. – № 1.
3. Сухарев М. Взрыв сложности // КомпьюТерра. – 1998.– № 43.
4. Урсул А.Д. Отражение и информация. – М.: Мысль, 1973.

Кондратик Л.

“УКРАЇНСЬКЕ ХРИСТІАНСТВО” МИХАЙЛА ГРУШЕВСЬКОГО І СУЧАСНІ ДИСКУСІЇ

Намагання різних груп сучасного українства інтегруватися у європейські структури, що знаходить й офіційну підтримку, актуалізує питання цивілізаційної ідентичності нашого суспільства. Власне, це питання не нове для вітчизняної суспільної думки: шерех дослідників – В. Антонович, М. Максимович, М. Грушевський, А. Річинський, В. Липинський, М. Хвильовий та ін., з'ясували духовні основи нашого буття і намагалися ідентифікувати українство зі східною чи західною цивілізаційною європейською системою, чи ж розглядати Україну, як певну межову цивілізацію. Нинішні дискусії [7; 10; 11; 12; 13] прикметні тим, що ґрунтуються на осягненні величезного світового матеріалу з цивілізаційної тематики і є “гарячими”, нагальними в тому розумінні, що намагаються дати відповідь на питання про місце України у стрімких цивілізаційних процесах сучасності. Та це не означає, що увесь попередній набуток уже можна вважати незатребуваним. Навпаки, його актуалізація здатна по-новому висвітлити, здавалось, вже усталені положення чи змусити шукати нові аргументи для їх повнішого обґрунтування.

Запропонована стаття має на меті залучити до сучасних дискусій концепцію “українського християнства” М. Грушевського як важливу складову теорії західноєвропейського соціокультурного виміру українства, так і положення про нетотожність цивілізаційних засад українського і російського етносів. Названій концепції вченого у літературі присвячені лише окремі розвідки [8; 9], на які я спиратимуся. Зауважу, що саме в такому аспекті цей спадок ученого висвітлюватиметься вперше. Дослідження грушевських концепцій у такому річищі має теоретичне значення, оскільки перебуває на самому вістрі дебатів про нашу цивілізаційну ідентичність, чим безпосередньо зачіпає і сферу практичного поступування українства.

М. Грушевський вважав, що український народ “являється народом західної культури – одним з найбільш багатих східними, орієнтальними впливами, але все-таки по всьому складу своєї культури й свого духу народом західним, тим часом як великоруський, хоч і європеїзований, стоїть вповні у власті орієнтального духу й стихії” [2, с. 144]. Вчений, аналізуючи історичний процес зв'язків українців із західною культурою, приходив до висновку, що занепад Києва і піднесення Галицько-Волинської держави означав повну перевагу західних впливів над тією комбінацією візантійських і східних ідей, які превалювали в період формування Київської держави. Перебуваючи в тісних і безпосередніх зв'язках із Західною Європою – Німеччиною передусім, а далі – з Італією також, Україна, на переконання дослідника, перейшла, лише з деяким запізненням, і добу італійсько-німецького Відродження і німецької Реформації. Як бачимо, дослідник дотримується погляду, що Україна також зазнала тих соціально-культурних зрушень, які визначили характер західноєвропейської цивілізації

Ці слова були написані видатним ученим і мислителем у 1918 році, коли Україна, подібно до теперішньої ситуації, вирішувала питання про своє місце у світі цивілізацій. То був не емоційний сплеск, викликаний більшовицькою навалюю, а висновок із його капітальних історичних праць. Якщо взяти до уваги, що з'ясування цивілізаційної належності спільноти передбачає передусім ототожнення її з визначеною ідейно-ціннісною структурою, яка, як правило, виступає у певній релігійній формі, то є підстави припустити, що саме з'ясуванню духовно-мотиваційних основ буття нашого народу і були присвячені наукові розвідки пореволюційної доби вченого і передусім його фундаментальна “Історія української літератури” та “З історії релігійної думки на Україні”, у яких з-поміж інших обґрунтована концепція про власний релігійний набуток українського етносу.

У цій статті ми порушимо лише питання про процес становлення та сутність українського християнства як релігії нашого народу, якою вона постає у концепції М. Грушевського, навмисно не виокремлюючи питання про перед- і реформаційні впливи на українське духовне життя.

Отож релігією нашого народу, на думку М. Грушевського, є українське християнство, яке у його концепції не покривається православ'ям, східним християнством. З праць вченого, у яких він досліджує становлення **народного християнства**, доходимо висновку про основні віхи цього процесу: XIII–XIV ст. (часи економічного і політичного занепаду України); XIV–XV ст. (переломні литовсько-польські часи); XV–XVII ст. (доба боротьби за національну церкву). На думку дослідника, саме XIV–XV і XV–XVII ст. як дві стадії вищезначеного процесу “були і зостались епохою, мабуть-таки, найбільшої інтенсивності сеї творчості”. Адже, як вважав учений, саме в цей період були закладені “підвалини нового, народного, українського християнства”, а тому ці “часи стали справді епохою в народному житті. Дальші додатки і зміни в сій релігійно-моральній народній творчості в порівнянні з сим періодом зостались при другорядному значенні. Вони тільки поглиблювали, розширювали, відмінювали в тій чи іншій частині сей релігійний чи легендарний матеріал, але вже не приносили більше такої широкої, загальної трансформації духовного змісту, яку викамбінуємо для вищевказаних віків” [6, с.7].

Тут важливо відігнати наступну логіку міркувань М. Грушевського. На його думку, якщо культуру й